

Судьба странным образом сводила в жизни двух очень известных в стране людей — знаменитого футболиста, а потом футбольного деятеля Николая Петровича Старостина и сына великого вождя всех времен и народов — Василия Иосифовича Сталина.

Они познакомились в конце 30-х годов. Как писал Николай Старостин в своей книге «Футбол сквозь годы» (литературная запись Александра

Вайнштейна, 1989 год), в то время в конноспортивной школе «Спартака» верховой ездой занимался художавый неприметный паренек по фамилии Волков. И только Старостин как руководитель «Спартака» знал, что его настоящее имя Василий Сталин...

В 1942 году четыре брата Старостинных — Николай, Александр, Андрей и Петр — были незаконно арестованы и репрессированы, обвиненные в антисоветской деятельности. Каждого из них приговорили к 10 годам лишения свободы. Их принадлежность к футболу и связанная с этим широкая известность сослужили им добрую службу. Николай Петрович Старостин, к примеру, будучи заключенным, тренировал ухтинское «Динамо», а потом и динамовскую команду Комсомольска-на-Амуре, где одновременно еще трудился на одном из заводов, два года работы на котором были ему зачтены за четыре. Благодаря этому в 1950 году срок его заключения истек, и местный народный суд на основании представленных документов утвердил досрочное освобождение. Старостину выдали паспорт, в котором были перечислены 16 городов, в которых он не имел права на прописку. Первой в этом списке значилась Москва. Встал вопрос: куда ехать, где жить, кем работать? Ему предложили стать тре-

нером хабаровского «Динамо». А дальше произошло следующее. Вновь вернемся к книге «Футбол сквозь годы». (В недавно показанном по НТВ фильме Евгения Киселева «Спартак»). Игра на поле истории» широко используются текст этой книги и кадры из фильма, снятого в 1990 году на эту же тему, без всякой ссылки на источники и авторов, что, по меньшей мере, можно назвать некорректным):

**ТАЙНАЯ МИССИЯ
В МОСКВУ**

Предложение остаться в Хабаровске тренером «Динамо» выглядело, конечно, заманчиво. Но решиться на совсем перевезти туда жену и детей я не мог.

И тут позвонил Василий Сталин:

— Николай Петрович, завтра высылаю за вами самолет. Никаких хабаровсков. Мы ждем вас в Москве.

— Как в Москве... Я же дал подписку...

— Это не ваша забота, а моя. До встречи...

И в трубке раздались частые гудки.

На следующее утро на военном аэродроме Комсомольска приземлился личный самолет командующего ВВС Московского военного округа.

Прямо с подмосковного аэродрома меня привезли в особняк на Гоголевском бульваре — резиденцию Сталина-младшего.

На первом этаже в огромном зале стояло несколько бильярдных столов. В центре — большой обеденный стол, на нем красовались графин с водкой и блюда с нарезанными ломтями сахарного арбуза. Во главе

НИКОЛАЙ СТАРОСТИН И ВАСИЛИЙ СТАЛИН

сидел молодой человек в генеральском мундире. Вокруг суетились какие-то офицеры и футболисты, некоторых из которых я знал по прежней мирной жизни.

Похоже, меня ждали. Когда я вошел, Василий поднялся. И как только он встал, вся суета и разговоры мгновенно прекратились. Все смотрели на нас...

— С возвращением, Николай Петрович!

— Спасибо.

— Выпьем за встречу.

— Василий Иосифович, я не пью.

— То есть как не пьете? Я же предлагаю за встречу. За это вы со мной должны выпить.

Я замялся, но деваться некуда — выпил. И усталый после перелета, голодный да еще и непривычный к алкоголю, сразу захмелел.

А Василий, смачно хрустнув арбузом, тут же перешел к делу.

— Где ваш паспорт?

— При мне, конечно.

— Степанян, — позвал «хозяин» одного из адъютантов, — срочно поезжай и оформи прописку в Москве.

Офицер моментально исчез.

— Ну что, Николай Петрович, как будем готовить команду? — спросил Василий...

...Так же незаметно, как и исчез, появился Степанян и вернул мне паспорт. Открываю — и не верю глазам: прописан в Москве постоянно по своему старому адресу — Спиридоньевский пер., 15, кв. 13.

Чем ближе подходил я к Спиридоновке, тем отчетливее понимал, чего мне боль-

ше всего не хватало все эти годы: ощущения, что тебя ждут. И когда я, переступив порог квартиры, увидел плачущую жену и девочек, я понял, как мало, в сущности, нужно человеку для счастья.

На следующий день меня вызвали в штаб ВВС Московского округа, где «правил бал» Василий Сталин. Слово «командующий» не сходило здесь с языка. Бесчисленное количество офицеров непрерывно сновали по кабинету. «Командующий приказал», «командующий требует», «командующий ждет»... Вся штабная суета после Комсомольска-на-Амуре казалась мне игрой в оловянные солдатки.

Впрочем, меня это мало трогало. Главное — вскоре я должен был получить возможность вновь окунуться в

любимую атмосферу футбольной жизни.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Через несколько дней ко мне явились два полковника из хорошо знакомого ведомства. Уже имея опыт, я сразу определил: судя по чину «гостей», здесь не обошлось без санкции высшего руководства.

— Гражданин Старостин, ваша прописка в Москве аннулирована. Вы прекрасно знаете, что она незаконна. Вам надлежит в 24 часа покинуть столицу. Сообщите, куда вы направитесь.

— Почему я должен решить это прямо сейчас?

— Потому что мы сегодня пошлем туда ваш паспорт.

Хитрая уловка! Без паспорта, да еще в моем положении, я оказывался легкой мишенью.

Подумав, назвал Майкоп. В Комсомольске у меня в команде играл майкопонец Иван Угроватов. Он часто говорил мне: «Майкоп — хороший город, если что, приежай туда. Там можно устроиться с вашей 58-й».

Итак, в моем распоряжении были сутки.

Не теряя времени, я отправился в штаб ВВС МВО и доложил о случившемся командующему.

— Как они посмели без моего ведома давать указания моему работнику! Вы останетесь в Москве!

— Василий Иосифович, я дал подписку, что покину город в 24 часа. Это уже вторая моя подписка, первую я дал в Комсомольске о том, что не имею права находиться в столице. Меня просто арестуют...

Василий задумался.

— Будете жить вместе со мной у меня дома. Там вас никто не тронет.

Семья СТАЛИНЫХ:
Иосиф Виссарионович,
Василий
Иосифович
и Светлана
Иосифовна.

Это был выход. Не знаю, насколько велико было истинное влияние Берии на Сталина, но думаю, что неприкасаемость «высочайшей» фамилии служила надежной охранной грамотой. Понимал я и другое: Василий Сталин решил бороться за меня не потому, что считал, будто невинно отсидевший действительно имеет право вернуться домой. Я был ему нужен как тренер.

Переехав в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, я не сразу осознал свое трагикомическое положение — персоны, приближенной к отпрыску тирана. Оно заключалось в том, что мы были обречены на «неразлучность». Вместе ездили в штаб, на тренировки, на дачу. Даже спали на одной широченной кровати.

Мое постоянное присутствие в особняке непрерывно напоминало Василию о необходимости решать мой вопрос. Тем более что сама ситуация — проживание бывшего политзаключенного без всяких документов (паспорт был переслан в Майкоп) у члена семьи руководителя партии и государства — становилась двусмысленной и давала Берии прекрасный шанс для компрометации сына в глазах отца. Реального выхода для себя я не видел, нервы были напряжены до предела. Может быть, поэтому допустил ошибку: решил, несмотря на риск, снова повидать семью. Дождавшись, когда Василий, уже основательно набравшись, уснул, я незаметно через окно выбрался в сад, перелез через ограду и оказался на Гоголевском бульваре. Оглянулся — никого. Свернул к Никитским воротам

и пошел на Спиридоновку. Воодушевленный тем, что так удачно обманул бериевских агентов, забыв об элементарной осторожности, остался ночевать дома. Помню, подумал: надоело прятаться, тоже мне, событие — Старостин спит в своей постели.

Ровно в шесть часов утра раздался звонок в дверь, и два знакомых мне пол-

ковника вошли уже без всяких церемоний.

— Одевайтесь. Мы за вами. Почему вы не уехали, хотя давали подписку?

— Не уехал потому, что мне не разрешил командующий.

— У нас есть указание отправить вас в Майкоп немедленно.

Я в очередной раз собрал чемоданчик, положил туда плащ, рубашки. И в сопровождении «почетного конвоя» прибыл на Курский вокзал. Буквально через несколько минут мне принесли билет и сказали:

— Следуйте до Краснодара. Там явитесь в городское управление НКВД и получите направление в Майкоп и свой паспорт.

Потом один из полковников вышел в соседнюю комнату, и я услышал, как он докладывал кому-то по телефону:

— Товарищ генерал, Старостин на вокзал доставлен. Отправляем его в Краснодар ближайшим поездом. Нет, не сопротивляется, ведет себя спокойно...

Сижу в купе. Напротив еще трое. Вычисляю: который из них приставлен за мной следить? Во время стоянки в Орле вдруг вижу в проходе вагона знакомую фигуру начальника контрразведки Василия Сталина, которого встретил в особняке на Гоголевском бульваре. Когда я вышел в тамбур, начальник контрразведки сказал:

— Николай Петрович, мы догнали вас на самолете. Василий Иосифович приказал любыми средствами вернуть вас в Москву.

— Мне нельзя в Москву, — Николай Петрович, он вас ждет. Вы даже не представляете, как он рвет и мечет!

Поезд вот-вот тронется, надо что-то решать. Я пытаюсь найти для себя последнюю зацепку:

— Там мои вещи. И потом за мной, скорее всего, следят.

— Черт с ними, с вещами, и вашим шпиком. Надо лететь.

Была не была! Соскакиваю с поезда. Бежим на привокзальную площадь. Там уже ждет «джип». Мы в него — и на военный аэродром. У самолета в нетерпении мечется Константин Ширинян, мой теперешний зять.

Наконец взлетаем. Погода мрачная, самолет идет низко, постоянно проваливает-

Братья СТАРОСТИНЫ (справа налево):
Николай, Александр, Андрей и Петр.

ся в воздушные ямы. Поднимается тошнота. Короче, когда я переступаю порог кабинета Василия Сталина, то имею в прямом и переносном смысле очень бледный вид. Но он не обращает на это никакого внимания. Истерично кричит:

— Кто?! Кто вас брал?

— Они не назвались, но в разговоре один из полковников упомянул фамилию Огурцов.

— Ах, Огурцов! Ну хорошо...

Хватается за телефон и набирает какой-то номер. Из трубки слышен голос:

— Генерал-лейтенант Огурцов у аппарата...

— Вы не генерал-лейтенант Огурцов, вы генерал-лейтенант «Трепло». Это я вам говорю, генерал-лейтенант Сталин!

Тот явно с испугом:

— Товарищ генерал! Это ошибка.

— Я с вами разговаривал два часа назад. Спрашивал, где Старостин. Вы сказали, что не знаете, где он.

— Действительно, не знаю.

— Как вы не знаете, когда вам докладывали с вокзала, что его отправляют в Краснодар.

— Вас кто-то ввел в заблуждение.

И тут Василий, уже успокоившись, отчеканивает:

— Меня ввел в заблуждение Старостин, который сидит напротив. Но вы должны знать, что в нашей семье обид не прощают.

И бросает трубку.

У меня одно желание — побыстрее умыться и отоспаться. Но командующий не унимается:

— Николай Петрович, сегодня «Динамо» играет с ВВС. Идите пообедайте, и поедем на футбол. Сейчас мы их всех там накроем.

Я не выдерживаю:

— Василий Иосифович! Дело зашло слишком далеко. Я не думаю, что мне следует появляться на людях. Это будет с моей стороны наглостью. Я дал уже две подписки — и вдруг приду на футбол, да еще вместе с вами. Вы представляете, чем это грозит?

— Да, представляю. Но на ту пощечину, какую они мне нанесли, арестовав вас, я должен ответить пощечиной. Когда я за вас боролся, знал, что в вашей семье трусов нет. Рассчитываю, что и сейчас вы это мнение подтвердите.

Игра пошла ва-банк. Подъезжаем к «Динамо» —

ворота стадиона настежь, все сразу навтыжку: «Здравия желаем, товарищ генерал!» Входим в центральную ложу, которая забита до отказа. При появлении Василия все поднялись с мест.

— Познакомьтесь, — говорит он мне, — это генерал Огурцов. А это, — обращается к генералу, — Николай Старостин, которого вы сегодня утром выслали из Москвы.

Побагровевший Огурцов демонстративно покидает ложу.

— Видите, — обращается ко всем Василий, — какой он нервный? Значит, чувствует свою вину.

Остальные офицеры следуют примеру Огурцова.

Наше присутствие в первом ряду центральной ложи вызывает повышенное любопытство болельщиков на трибунах. Я жадно оглядываю такой родной мне стадион «Динамо». Вспоминаю 1928 год — день его открытия, когда сборная Москвы выиграла Спартакиаду народов СССР. Я как капитан команды получил приз за первое место — диплом с подписью Енукидзе.

Чувствую, что Василию не сидится. Он говорит:

— Пошли, они все в буфете.

Входим в буфет.

— Ну вот, вы от нас, а мы к вам, — бросает Василий, заказывая бутылку коньяка.

Генералы встают и уходят в ложу. Обслуга в недоумении. Никто ничего не понимает.

— Ну все, — подводит он итог. — Выпейте кофе, а я добавлю водочки, и пойдем к команде. Считаю, что мы им отомстили.

После всего произошедшего я более ясно осознал, в какую тяжелую историю он меня втянул, и даже не хотел предполагать, чем она может закончиться.

Я пытался убедить Василия, что мне целесообразно находиться в Майкопе и там ждать результатов.

— Если все будет хорошо, вы всегда сможете прислать за мной самолет, и я буду в Москве на следующий же день.

В 30-е годы Николай СТАРОСТИН (второй слева) во время празднеств на Красной площади нередко находился рядом с Мавзолеем в ряду почетных гостей.

— Нет и нет! Это похоже на капитуляцию. В нашей семье так не поступают.

Чувствовалось, что под словом «семья» подразумевался отец.

На следующее утро Василий сказал мне за завтраком:

— Берия улетел из Пицунды. Отец остался там. Я сегодня вылетаю к нему. У меня есть несколько неотложных вопросов, и одновременно я постараюсь поговорить о вас. Будете дожидаться моего возвращения в Переславле-Залесском, на нашей спортивно-охотничьей базе. Никто вас там не тронет. Берите с собой жену и дочерей. С вами поедет мой адъютант Полянский. Отдохнете, половите рыбу в Плещеевом озере.

Василий вызвал майора Полянского.

— Возьмите в сопровождение две машины охраны. Одна из них пойдет впереди, другая — сзади. В середине проедет Николай Петрович с семьей. Охрана нужна на случай, если по дороге люди Берии захотят арестовать Старостина.

— Что я должен делать, если они попытаются захватить Старостина силой?

— Отстреливаться...

Пора было мне вмешаться.

— Василий Иосифович, как отстреливаться?.. Мы будем стрелять в чекистов, а они в нас? Я не поеду.

Тогда Полянский предлагает:

— Мы можем долететь туда на двух самолетах. Там есть маленький аэродром

внутри базы. В воздухе нас не смогут перехватить.

— Хорошо, действуйте. Но учтите, отвечаете за Старостина головой.

Роскошная территория базы, прекрасное озеро, рыбалка... Это немного отвлекло от мрачных мыслей.

Через несколько дней позвонил из Пицунды Василий, сообщил:

— С отцом хуже. Врачи к нему не пускают. Сегодня-завтра сюда опять должен прилететь Берия.

«Все, — решаю я, — больше не смогу. Надоело. И рыбная ловля, и охрана. Да и жена волнуется: в Москве как-никак старшая дочь осталась».

Прошу соединить с Пицундой:

— Василий Иосифович, я принял решение — еду в Краснодар. По прибытии извещу, куда меня направят. Это самый реальный и простой выход. Я уже полгода мотаюсь между небом и землей. Не хочу чувствовать себя камнем на вашей шее.

Видимо, к тому моменту он понял, что борьбу за меня не выдержит. И поэтому согласился:

— Хорошо, но вы обязательно держите меня в курсе дела, шаг за шагом...

Ни в Краснодаре, ни в Майкопе Николая Петровича Старостина, однако, не прописали, и он отправился в Ульяновск, где работал один из его знакомых по Дальнему Востоку генерал МГБ Грибанов, и стал там тренировать местное «Динамо». Спустя год его... арестовали и

объявили, что за злостное нарушение паспортного режима он осужден на пожизненную ссылку в Казахстан. «Я понял, — писал Старостин, — что наступила расплата за московскую эпопею»... В конце концов Николай Петрович попал в Алма-Ату, где стал тренером опять-таки местной динамовской команды.

Вскоре после смерти в марте 1953 года Иосифа Сталина Старостину предложили написать заявление на имя Хрущева с просьбой о пересмотре дела, а затем вызвали в Москву.

9 марта 1955 года приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 — 20 октября 1943 года в отношении Старостина Н.А. был отменен и дело о нем в уголовном порядке производством прекращено. Такое же решение было принято в отношении его братьев — Александра, Андрея и Петра.

Дальнейшая судьба Николая Петровича Старостина общеизвестна. На протяжении нескольких десятков лет он был начальником футбольной команды «Спартак», снискав себе на этом посту непререкаемый авторитет. В 1990 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

А вот жизнь Василия Сталина повернулась по-другому. После смерти отца его арестовали уже в апреле 1953 года.

Перед вами протокол допроса Сталина В.И., 1921 года рождения, члена КПСС, бывшего командующего ВВС Московского военного округа, от 9 — 11 мая 1953 года начальником следственной части по одному из томов воспоминаний Н.С.Хрущева «Время, люди, власть», изданных ИИК «Московские новости» в 1999 году). В нем, в частности, идет речь и о приезде Н.Старостина в Москву в 1950 году.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК

Вопрос: — На предыдущих допросах вы признали, что в бытность вначале заместителем, а затем командующим ВВС Московского военного округа допускали

незаконное расходование государственных средств.

Правильны ли ваши показания?

Ответ: — Да, правильны. Действительно с 1947 по 1952 г. включительно я, занимая вначале пост заместителя, а потом командующего ВВС Московского военного округа, допускал разбазаривание государственно-го имущества и незаконное расходование денежных средств, чем нанес большой материальный ущерб Советскому государству.

Я не отрицаю и того, что ряд моих незаконных распоряжений и действий можно квалифицировать как преступления.

Вопрос: — В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы, злоупотребляя своим служебным положением, кроме того, присваивали казенное имущество и денежные средства.

Вы это признаете?

Ответ: — Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным в этом себя признать не могу.

Я намерен правдиво показать обо всем, в чем я виноват.

В ноябре 1951 г. я задумал и начал осуществлять строительство пятидесятиметрового водного бассейна на территории Центрального аэродрома. На это строительство было затрачено до четырех миллионов рублей.

Вопрос: — Какой необходимостью вызывалось сооружение этого водного бассейна?

Ответ: — Необходимости строить водный бассейн для военнослужащих ВВС МВО, безусловно, не было, причем сметных ассигнований на это строительство также не было, и оно было начато без разрешения Военного министерства. Так как вскоре выяснилось, что для окончания сооружения бассейна необходимо затратить еще четыре с половиной миллиона рублей, а такими средствами ВВС МВО не располагало и для меня было ясно, что Военное министерство требовавшихся на это денег нам не даст, строительство бассейна было «законсервировано», а вложенные в него крупные средства омертвлены.

Однако я считаю необходимым пояснить, что, приступая к строительству бассейна для плавания, я исходил из того, что в Москве нет ни одного пятидесяти-

метрового водного бассейна для проведения Олимпийских соревнований.

Вопрос: — Явно неубедительное объяснение. Какое отношение имели ВВС Московского военного округа к спортивным сооружениям?

Ответ: — Бессспорно, что я занимался не своим делом и никто, конечно, мне не поручал строить водный бассейн. Одной из побудительных причин к этому явилась мастер спорта по плаванию моя сожительница Васильева Капитолина. (Неоднократная чемпионка и рекордсменка СССР, гражданская жена В.И. Сталина. — Ред.) Васильева меня подбила на сооружение водного бассейна и, желая угодить ей, а также рассчитывая популяризировать себя сооруже-

показал выше, это строительство так и не было закончено, и в августе 1952 года, т.е. к тому времени, когда я был освобожден от занимаемой должности, работы по постройке водного бассейна находились только в начальной стадии.

Помимо сооружения водного бассейна я занимался и другими строительными делами.

Вопрос: — А именно?

Ответ: — В 1950 г. на территории парка культуры и отдыха Ленинградского района г. Москвы по моему распоряжению было начато строительство так называемого спортивного центра Дома офицеров ВВС МВО. Получив согласие военного министра Василевского на это строительство, я добил-

Зек Николай СТАРОСТИН (справа).

ем бассейна, я поставил перед собой задачу осуществить эту затею. Бассейн строился на территории одного из ангаров Центрального аэродрома без утвержденного технического проекта и смет. И только после начала строительства, в конце 1951 г., я решил добиться в Военном министерстве получения ассигнований на сооружение бассейна. В ноябре 1951 г., обратившись за получением денег на строительство бассейна к военному министру Советского Союза Василевскому, я ввел его в заблуждение, сказав, что мне поручено отцом организовать спортивную работу в ВВС, Василевский отпустил на это строительство вначале 700000 рублей, а затем, в конце января 1952 года, по моему настоянию он же дополнительно утвердил расходы еще на 1 миллион 500 тысяч рублей. Как я уже

сказал через бывшего Секретаря МК ВКП(б) и председателя Московского городского совета Попова Г.М. передачи под строительную площадку территории парка культуры и отдыха Ленинградского района, в связи с чем этот парк был закрыт для пользования трудящимися.

Генерал-полковник Белокосков также поддержал мою инициативу о постройке спортивного центра, предложив использовать под каркас здания демонтированный в Германии ангар. Металлические конструкции ангара были доставлены из Германии в Москву. На это ушло много времени и средств. Когда наконец каркас ангара был доставлен в Москву, то и здесь при его разгрузке, доставке на строительную площадку и установке мы имели много хлопот, так как ни у нас в ВВС, ни в Военном министерстве не

было таких мощных подъемных кранов, которые могли бы поднять отдельные металлические части конструкций этого ангара.

В 1952 г. и это сооружение было «законсервировано», так как у нас не хватало средств на дальнейшее строительство. Насколько я помню, на это строительство было израсходовано более 5 млн. рублей.

В этом деле я повинен еще и в том, что, отняв у трудящихся Ленинградского района г. Москвы их излюбленное место отдыха — парк культуры и отдыха, разрушил кинотеатр, уничтожив зеленые насаждения и не выстроив спортивного центра, я фактически уподобился «собаке на сене».

Вопрос: — Следствию известно, что вы незаконно расходовали государственные средства не только на эти «строительства».

Покажите об этом.

Ответ: — Я уже показал, что, используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство Военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшие никакой необходимости для боевой подготовки вверенных мне воинских подразделений.

От решения насущных вопросов, связанных с повышением качества боевой и политической подготовки подчиненных мне воинских подразделений, отвлекало меня также и то, что большую часть своего времени я уделял «спортивной деятельности». В этой связи я должен остановиться на созданных по моему указанию при ВВС МВО спортивных командах, которые содержались за счет средств, ассигнованных на боевую и физическую подготовку войск ВВС МВО.

В период с 1947 по 1949 год в ВВС МВО были сформированы команды мастеров почти по всем видам спорта: конноспортивная, хоккейная, мотоциклетная, конькобежно-велосипедная, баскетбольная, гимнастики, плавания и водного поло. Кроме того, я добился передачи из ВВС Советской Армии футбольной команды. Во всех этих спортивных командах числилось более 300 человек, содержание которых обходилось в сумме свыше 5 млн. рублей в год.

В связи с организацией конноспортивной и мотоциклетной команд я приказал за

счет средств ВВС МВО перестроить три ангара на Центральном аэродроме. Один из них был переоборудован под манеж, в другом устроена конюшня, а третий ангар был перестроен под мотовелобаза. На это незаконно израсходована значительная сумма, но сколько именно, я не помню.

Вопрос: — Созданные вами спортивные команды состояли из военнослужащих ВВС МВО?

Ответ: — Нет. Военнослужащих ВВС округа в этих командах не было. Они комплектовались спортсменами-профессионалами и мастерами спорта, которые по моему указанию различными незаконными способами переманивались из других спортивных коллективов.

Так, по моему указанию в 1951 году в г. Таллин была командирована тренер по плаванию Макарова с целью уговорить перейти в команду пловцов ВВС МВО эстонских пловцов Прангель и Мяги.

Я поручил Макаровой обещать Прангель и Мяги большую заработную плату и обеспечение в Москве жилищной площадью. Макарова сумела выполнить мое задание и перетянула в Москву Прангель и Мяги. В 1952 г. Прангель и Мяги

ставил квартиры и присвоил офицерские звания.

Путем предоставления квартиры удалось также переманить в ВВС МВО и заслуженного мастера спорта велосипедиста Тарачкова, ранее являвшегося членом спортивного общества «Динамо».

Особенно активное участие я принимал в устройстве на работу в ВВС МВО Старостина Н.П. Стремясь перетянуть к себе Старостина, я не только незаконно стал выплачивать ему и его жене зарплату за счет спорткоманд ВВС МВО, но и в обход советских законов предпринимал меры к прописке Старостина на жительство в Москве, хотя я и знал о том, что Старостин, как судимый за антисоветские преступления, не имел права проживать в Москве.

Когда органы милиции отказали, несмотря на мое вмешательство, в прописке Старостина, я предложил моему адъютанту Полянскому вывезти его из Москвы — в охотничье хозяйство ВВС МВО.

Однако через некоторое время Старостин милицейскими работниками был обнаружен в Москве на квартире своей жены, и ему было предложено немедленно покинуть Москву.

Узнав, что Старостин выехал из Москвы, я предло-

жической подготовки личного состава ВВС МВО?

Ответ: — Никакого. Дело в том, что я, будучи тщеславным, пытался популяризировать свое имя и для достижения этой цели решил заняться «спортивной деятельностью». Этому «делу» я уделял основное внимание, не считаясь с затратами государственных средств. Для того чтобы перетянуть в спортивные команды ВВС МВО лучших спортсменов из других спортивных обществ, по моему указанию им создавались особые материальные условия.

По моим распоряжениям члены спортивных команд ВВС МВО зачислялись в кадры ВВС, им присваивались офицерские звания и выплачивалась зарплата по повышенным ставкам. Спортсменам, кроме того, выдавались премии, обмундирование, предназначенное для личного состава ВВС МВО, предоставлялись во внеочередном порядке квартиры и санаторное лечение. Ясно, что мои действия ослабляли другие столичные спортивные коллективы, так как из них переманивались в команды ВВС МВО лучшие спортсмены, которые к тому же возвращались созданными им особыми материальными условиями. Все это, конечно, не могло не вызывать недо-

Детище В.СТАЛИНА — футбольная команда ВВС (слева направо): В.БОБРОВ, А.АКИМОВ, А.ПРОХОРОВ, К.КРИЖЕВСКИЙ, В.ШУВАЛОВ, В.МЕТЕЛЬСКИЙ, А.АНИСИМОВ, А.ЛАРИОНОВ, Е.БАБИЧ, В.ФЕДОРОВ, А.ОБОТОВ.

выступили в соревнованиях за коллектив ВВС МВО, а я создал для них обещанные условия. Так мне удалось усилить команду пловцов.

Таким же способом, безусловно развращавшим спортсменов, я перетянул из добровольного спортивного общества «Спартак» в коллектив ВВС МВО мастеров спорта Новикова, Зикмунда и Тарасова, которым предо-

жил бывшему начальнику отдела контрразведки ВВС МВО Голованову и своему адъютанту Полянскому немедленно на самолете догнать поезд, в котором следовал Старостин, и доставить его ко мне на квартиру, что было ими и выполнено.

Вопрос: — Какое же в таком случае отношение имели эти спортивные команды к повышению боевой и фи-

вольства летного офицерского и летно-технического состава, так как указанные выше льготы и преимущества спортсменам предоставлялись за их счет...

Обращают на себя внимание некоторые пассажи из протокола допроса: «рассчитывая популяризировать себя сооружением бассейна», «будучи тщеславным, пытался популяри-

зировать свое имя...», «фактически уподобил себя «собаке на сене» и т.д., явно сформулированные на свой лад следователями.

Василий Сталин был, можно сказать, первым крупным в нашей стране спортивным меценатом, тратившим, правда, на это свое увлечение не личные, а государственные средства. Созданные им команды ВВС по баскетболу, волейболу, водному поло и хоккею становились чемпионами СССР. Вот только в футболе наивысшим достижением летчиков стало лишь 4-е место, завоеван-

осужден к 8 годам лишения свободы Сталин Василий Иосифович за злоупотребление служебным положением и антисоветскую агитацию (ст. ст. 193 — 17 «б» и 58 — 10 ч. 1 УК РСФСР).

Сталин В.И. признан виновным в том, что, будучи командующим ВВС Московского военного округа с января 1948 по август 1952 года, преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, систематически пьянствовал, злоупотреблял своим служебным положением, разбазаривал государственные средства и материальные ценности.

выдать Сталину В.И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия.

Постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января 1960 года предложения А.Шелепина и Р.Руденко были приняты, но дальше произошло что-то непонятное и загадочное, ибо 7 апреля 1961 года те же авторы отправили в ЦК КПСС послание совершенно противоположного содержания: 28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием срока наказания Сталин В.И.

За период пребывания в местах заключения В.И.Ста-

лином он высказал мысль о том, что, возможно, снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что Сталин В.И., выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно.

В связи с этим считаем целесообразным (Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в порядке исключения из действующего законодательства) направить В.И.Сталина после отбывания наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места согласно закону он может быть привлечен к уголовной ответственности. В г. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру.

По заключению врачей состояние здоровья В.И.Сталина плохое и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в Армии более 25 лет в льготном исчислении В.И.Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов г. Казани.

Считаем также целесообразным при выдаче В.И.Сталину паспорта указать дружную фамилию.

Финал же истории был еще более грустным. 19 марта 1962 года уже новый Председатель КГБ В.Семичастный сообщил Н.Хрущеву, что 19 марта 1962 года в 13 часов в городе Казани скончался Джугашвили (Сталин) Василий Иосифович. «По предварительным данным, — писал он, — причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем».

И заключил письмо такими словами: «Считаем целесообразным похоронить Джугашвили В.И. в г. Казани без воинских почестей. О смерти Джугашвили В.И. сообщить ближайшим родственникам».

Гордость В.СТАЛИНА — хоккейная команда ВВС, трижды подряд выигравшая звания чемпионов СССР. Во втором ряду известные хоккеисты и футболисты (слева направо): В.БОБРОВ, А.ВИНОГРАДОВ, В.ШУВАЛОВ, Е.БАБИЧ...

ное ими в 1950 году. В составе этой команды играли три заслуженных мастера спорта — Всеволод Бобров (из ЦДКА), Анатолий Акимов, Николай Морозов (из московского «Торпедо»), еще ряд известных игроков — Константин Крижевский, Александр Прохоров, Виктор Метельский, Александр Оботов, Сергей Коршунов...

Александр Перель в своей книге, посвященной чемпионату СССР 1950 года, написал, что футболисты ВВС добились в нем выдающегося успеха...

Но все это рухнуло в одночасье, а самого Василия Сталина постигла горькая судьба.

БЕЗ ВОИНСКИХ ПОЧЕСТЕЙ

5 января 1960 года Председатель КГБ А.Шелепин и Генеральный прокурор СССР Р.Руденко обратились в ЦК КПСС с письмом, в котором сообщалось, что 2 сентября 1955 года Военной коллегией Верховного Суда СССР

Далее говорилось, что Сталин В.И. содержится в заключении 6 лет и 8 месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги).

Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

применить к Сталину В.И. частичную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г. Москве трехкомнатную квартиру;

поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возратить изъятое при аресте лично принадлежавшее ему имущество;

лин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в г. Казань или Куйбышев, Сталин В.И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет.

На предложение о смене фамилии он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т.д.), то он «молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинился произвол». В неоднократных беседах с ним он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н.С.Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При